

Нина Николаевна Калитина

ГЮСТАВ КУРБЕ в ДНИ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Французский ежегодник 1965

М.: Наука. 1967. С.246-266

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011,

к 140-летию Парижской коммуны

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

В конце файла нами даны ссылки на тематические материалы

«Я горжусь тем, что принадлежал к Коммуне...»

Курбе

Мы переживаем момент, который трудно описать; я не представляю, как мы выпутаемся из этой истории. Господин Наполеон затеял династическую войну; он назначил себя генералиссимусом всех армий, но это — кретин, который, в своей нелепой и преступной гордыне действует без плана кампании. Нас бьют повсюду; наши генералы подают в отставку и враг ожидается в Париже... Наполеоновская Франция — это вторжение неприятеля... Это страшная резня, и все это ради бессмысленной войны»¹. Так писал Курбе родителям 9 августа 1870 г.

19 июля правительство Наполеона III объявило войну Пруссии, а уже 4 и 6 августа Франция терпела тяжелые поражения в Эльзасе и Лотарингии. Ни мужество французских солдат, ни смена главнокомандующего (Наполеона III сменил на этом посту маршал Базен) не изменили хода военных действий. 2 сентября французская армия во главе с императором капитулировала под Седаном.

А Париж бурлил: рабочие, ремесленники, студенты столицы требовали установления республики. Седанская катастрофа ускорила взрыв народного гнева — 4 сентября во Франции была провозглашена республика. К власти пришло так называемое правительство «Национальной обороны», поставившее во главе страны реакционного генерала Трошю.

Письма и выступления Курбе в августе — сентябре 1870 г. показывают, что он довольно хорошо ориентировался в создавшейся обстановке. В цитированном выше письме он предсказывал гибель империи и выражал надежду, что республика сможет остановить пруссаков. «Нашествие поможет нам избавиться от империи», «я верю, что мы снова станем французами», «...мы их остановим, провозгласив республику...», — пишет он. Высказывания Курбе совпадают с заявлениями французских секций I Интернационала, основными положениями первого воззвания Генерального Совета Интернационала, написанного Марксом.

Провозглашение республики существенно изменило и усложнило положение. Война со стороны Пруссии, отказавшейся заключить мир с республиканской Францией, превратилась в захватническую, завоевательную. Сменившее Вторую империю правительство, в котором массы видели детище революции 4 сентября, повело на деле капитулянтскую,

¹ Courbet raconté par lui-même et par ses amis, t. II. Genève, 1950, p. 127 (далее — Courbet...).

антинациональную и антидемократическую политику. 16 сентября враг подошел к стенам Парижа и через три дня блокировал его.

События 4 сентября вызвали в кругах прогрессивной интеллигенции самый живой энтузиазм. «Республика только что провозглашена; империя пала, — записал в своих воспоминаниях карикатурист А. Жилль, близко стоявший к Курбе. — Наконец, совершилось: «Свобода! Равенство! Братство! Да здравствует республика! Я услышал и поддержал изо всех сил возглас освобожденного народа перед Законодательным собранием! Людская волна заливала Париж; возбуждение достигло апогея: раздавался смех, текли слезы»².

Курбе разделял общее ликование. Уж он-то хорошо знал, что представлял собой бонапартистский режим! Художник жаждет деятельности, в трудный час он хочет послужить родине. Через день после установления республики Курбе становится во главе Комиссии по охране музейных коллекций. В создании этой комиссии художники Парижа, избравшие Курбе своим президентом, проявили полную самостоятельность. Их беспокойло положение, создавшееся с хранением и пересылкой музейных ценностей в военное время, и они решили объединиться для их сохранения. Курбе говорил в дальнейшем, что министр просвещения Жюль Симон принял у себя представителей комиссии и утвердил их комитет, дав им, таким образом, официальные полномочия³, хотя сам Ж. Симон отрицал официальный характер деятельности комитета и его президента⁴. Комиссия работала очень активно. Она печатывала выставочные помещения, принимала меры к защите монументальных памятников Парижа и окрестностей и т. д.

От имени комиссии 14 сентября Курбе направил правительству петицию, в которой ратовал за уничтожение символов и памятников империи. Речь шла о переименовании улиц, снятии статуй, но главное внимание было уделено Вандомской колонне. Воздвигнутая в годы Первой империи, Вандомская колонна претерпела к тому времени уже немало перипетий. После реставрации Бурбонов статуя Наполеона, венчавшая ее, была снята, но в годы Июльской монархии вновь восстановлена. Для многих современников колонна стала символом войн и национальных несчастий. Глядя на венчавшую ее фигуру, поэт О. Барбье посылал ей свои проклятия⁵. Основоположник позитивизма, О. Конт говорил о необходимости избавить человечество от этого воинственного памятника, особенно нелепого рядом с улицей Мира⁶. Мотивируя свое предложение о разборке и переносе колонны, Курбе писал, что памятник не представляет художественной ценности и пропагандирует идеи войны, чуждые братскому духу республики⁷. Достаточно просмотреть газеты того времени, афиши и карикатуры, чтобы убедиться, с какой страстью передовые люди Франции стремились уничтожить все, что напоминало империю. В этом нашла свое выражение ненависть народа к Наполеону III и всей бонапартистской клике. Петиция художников отражала эти настроения.

24 сентября Курбе вошел еще в одну так называемую Архивную комиссию, которая должна была проверить работу музейных чиновников. Председателем этой комиссии был член Института Вашеро, а Курбе и критик Ф. Бютри были введены как представители художественной общественности. 1 декабря оба они публично заявили о своем выходе из комиссии, ибо считали всех тех, кто служил империи, «морально скомпрометированными»⁸.

² A. Gill. *Vingt années de Paris*. Paris, 1883, p. 66—67.

³ Л. Арагон. Пример Курбе. Литература и искусство. М., 1957, стр. 269.

⁴ G. Ri a t. *Gustave Courbet*. Paris, 1906, p. 286.

⁵ Ch. L e g e r. *Courbet et son temps*. Paris, 1948, p. 134.

⁶ G. Ri a t. *Op. cit.*, p. 285.

⁷ *Ibid.*, p. 286—287.

⁸ *Ibid.*, p. 291.

Все свои силы Курбе отдавал Комиссии по охране музейных коллекций. До нас дошел пропуск, выданный ему командованием национальной гвардии: «Г-ну Курбе, живописцу, президенту Комиссии по охране музеев, разрешено перемещение по улицам и укреплениям Парижа в дневное и ночное время. Командующих секторами просят оказать ему помощь и содействие». Подпись: Тамизье. Дата: 24 сентября 1870 г.⁹ Из этого документа видно, что военные власти Парижа рассматривали Курбе как официального представителя столичных художников.

Следующее, после петиции, публичное выступление Курбе в печати относится к 5 октября. Газета «Ревей» публикует его письмо правительству в связи с проектом установления статуи города Страсбурга на площади Согласия. Страсбург пал в конце сентября, оказав пруссакам самоотверженное сопротивление. Ж. Симон решил переплавить статую Наполеона и отлить бронзовый монумент городу. Курбе не одобряет этот проект. На площади уже имеется каменная статуя Страсбурга, и вполне достаточно прикрепить к ее постаменту мраморную табличку с соответствующей надписью, а металл использовать для новых пушек. К тому же Страсбург не единственный город Франции, проявивший мужество в этой войне. Если в честь каждого ставить памятник, то площадь Согласия вскоре превратится в склад бронзового литья¹⁰.

В письме Курбе вновь касается вопроса о Вандомской колонне. Он говорит, что ее надо разобрать и перенести во двор дворца Инвалидов. Чтобы место на площади не пустовало, художник предлагает поставить там со временем «Памятник последней пушке». Вот как он представляет его себе: «Последняя пушка дулом вверх увенчана фригийским колпаком и установлена на пьедестале, положенном на три ядра. Она должна быть отлита из пушек Круппа и французских орудий и будет символизировать братство народов»¹¹.

Эту мысль Курбе высказал в заключительной части речи, произнесенной 29 октября в зале Атенея. В том же, 1870 г. его речь была опубликована в виде отдельной брошюры под названием «Открытые письма Гюстава Курбе немецкой армии и немецким художникам»¹². О чем же писал тут художник? Обращаясь к пруссакам, он предлагал им вернуться домой к женам и детям. Французы, заявлял он, не сдадутся. Ведь у них республика, а человек, защищающий прогресс, не может быть слабым. Но, возвращаясь на родину, провозгласите: «Да здравствует свобода!» Тогда наши народы станут братьями, и границы отпадут сами собой. Ваш Вильгельм — такой же прусский Цезарь, каким был наш Цезарь — Наполеон. «Вы расправились с Бонапартом, но что вам нужно в Республике? Вы хотите заковать в цепи революцию? Безумные! Вы надевасте себе петлю на шею», — восклицал Курбе. А когда с тиранами будет покончено, французский и немецкий народы подымут бокал за Соединенные штаты Европы.

Это выступление показывает, что к концу октября Курбе не утратил веры во Всемирную республику, но он уже не упоминает ни правительство «Национальной обороны», ни отдельных его членов. Художник все более разочаровывается в «революционности» правительства 4 сентября. Как на полях сражений, так и на дипломатическом поприще оно предавало интересы родины: в конце октября пал Мец; плохо и непродуманно организованные вылазки приводили к бессмысленной гибели массы людей; в осажденном городе мерзли и голодали парижане; восстания измученного и обманутого народа жестоко подавлялись; Фавр, а затем Тьер

⁹ Ch. Leger. Op. cit., p. 135.

¹⁰ G. Riata. Op. cit.

¹¹ Courbet..., t. II, p. 139.

¹² Lettres ouvertes de Gustave Courbet à l'armée allemande et aux artistes allemands. Paris, 1870.

вели позорные переговоры с неприятелем. 28 января 1871 г. Париж капитулировал. В тот же день вместе с доктором Робине Курбе опубликовал протест от имени республиканских клубов VI и VII округов столицы. Перемирие было заключено вопреки воле народа и за его спиной. Генерал Трошио и его коллеги, совершившие это преступление, заслужили проклятие народа¹³.

Тем временем события приобретали все более трагический характер. 8 февраля было избрано Национальное собрание, которое К. Маркс метко назвал представителем всего того, что есть мертвого во Франции¹⁴. 17 февраля оно поставило во главе исполнительной власти Тьера. Настроение Курбе в это время отражено в его письме к отцу, написанном 23 февраля. Художник констатирует, что «правительство не было республиканским и не хотело, чтобы Республика спасла Францию. Оно послало более 200 000 национальных гвардейцев на укрепления, когда там требовалось лишь 25 000 ... Париж не хотел сдаваться, но они (члены правительства.— *Н. К.*) сдали его сами потихоньку, за три дня до объявления народу. В последний день не было хлеба; это была хитрость. Существовали магазины, в которых гнило продовольствие, а нам продавали хлеб с древесными опилками и соломой. В это время кретин Трошио не провел ни одной серьезной вылазки и когда национальная гвардия завоевывала позиции, на следующий день ее заставляли отступать ... Настоящими врагами были не пруссаки, а наши друзья — французские реакционеры, поддерживаемые церковниками ... Нас обманули и предали»¹⁵.

Курбе не был оригинален в своих выводах — таково было мнение французского народа, его прогрессивной интеллигенции в дни, предшествовавшие Коммуне. Из всего сказанного ясно, что у художника совсем не оставалось времени для творческой работы. Политическая и общественная деятельность всецело поглощали его. Правда, он иногда окружал себя холстами, но не для того, чтобы написать новый, а чтобы выбрать среди имеющихся картины для украшения помещений республиканского клуба VI округа или для лотереи (вырученные средства были переданы для отливки пушки). К тому же его ателье — квартира на улице Отефей — пострадало от упавших поблизости снарядов¹⁶, и он переселился к своей родственнице.

* * *

18 марта 1871 г. в Париже вспыхнуло восстание. Тьер и его министры бежали в Версаль, туда были отведены и войска. 28 марта в столице Франции была торжественно провозглашена Коммуна. Начался короткий, но полный величайшего исторического смысла период, когда у власти находилось первое в мире правительство рабочего класса. Нет необходимости останавливаться здесь на истории Коммуны — она достаточно широко известна в нашей стране. Посмотрим лишь, как жил и работал в эти дни Гюстав Курбе.

Отметим сразу, что проблема «Курбе и Коммуна» до сих пор остается краеугольным камнем в оценке художника. Чем было участие Курбе в Коммуне? Печальным недоразумением, случайным, незначительным эпизодом или естественным следствием всей его жизни? Проливает ли это участие свет на творчество Курбе или, наоборот, бросает на него зловещую тень? Советские искусствоведы А. С. Гуштин и А. Н. Тихомиров,

¹³ G. Riат. Op. cit., p. 292.

¹⁴ К Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 588.

¹⁵ Courbet..., t. II, p. 126.

¹⁶ Родители сообщали Курбе, что и его ателье в Орнани было разгромлено прусскими солдатами.

а затем французский писатель Л. Арагон ответили на этот вопрос, показав классовую тенденциозность критиков в решении проблемы¹⁷.

Буржуазное искусствоведение, которое сейчас уже не может отрицать художественную значимость произведений Курбе, пытается «разорвать его на две части», отделив живописца от политика. Да, Курбе действительно мастер, даже большой мастер, но как он наивен и глуп во всех своих общественных начинаниях! Какое счастье, что его политические воззрения не влияли на его искусство! Простим ему его заблуждения и воздадим должное таланту! Таков смысл высказываний буржуазных критиков о Курбе. Они относятся ко всему творчеству мастера, но Коммуна собирает их все в фокусе. Нет смысла дискутировать на этих страницах с представителями буржуазной искусствоведческой науки — это увело бы нас в область историографии. Для советских исследователей общественно-политические взгляды и творчество художника неотделимы, а его участие в Коммуне — подвиг. Обратимся теперь к фактам, расположив их по возможности в хронологической последовательности.

Выборы в Коммуну состоялись 26 марта. Кандидатура Курбе баллотировалась по VI округу, но художник не набрал необходимого числа голосов. Он прошел на дополнительных выборах, состоявшихся 16 апреля, а уже 17 апреля стал получать письма, подобные этому: «Гражданин, разрешите выразить нашу радость по поводу Вашего избрания и поблагодарить Вас за то, что Вы приняли этот мандат в столь гибельный час. Ваши познания, Ваша смелость могут сослужить огромную службу Коммуне. Я и мои друзья, Ваши сторонники и поклонники, никогда не изменим Вам»¹⁸. Одновременно с Курбе были избраны автор «Интернационала» Э. Потье, Ш. Лонге, сын Гарибальди Менотти (всего 17 человек).

Избранию предшествовало обращение к избирателям, в котором Курбе излагал свое политическое кредо. В нем он утверждал, что всегда интересовался социальными и философскими вопросами, идя рядом со своим другом Прудомом, что в 1848 г. он поднял знамя реализма, единственного направления, служащего человеку, что он боролся против авторитарной власти и церкви во имя свободы. «Сегодня поле наших действий свободно. Поэтому оставим месть, репрессии и жестокости, установим новый порядок вещей, который будет только нашим и будет зависеть от нас, — пишет Курбе. — Я счастлив сообщить вам, что по моему совету художники уже взяли в этом отношении инициативу в свои руки. Пусть все общество последует их примеру и в будущем никакое другое государственное устройство не сможет преобладать над нашим»¹⁹.

Здесь уже достаточно ясно выражены политические взгляды Курбе. Прежде всего он рассматривает Коммуну и свое участие в ней как результат определенного исторического развития, которому предшествовали революционные события, развитие социальных и философских систем. Коммуна сделала людей свободными, избавив их от предателей и открыв перед ними широкое поле деятельности. Курбе наивно полагает (в этом сказалось влияние Прудона!), что теперь можно оставить борьбу и заняться перестройкой общества. Художники уже подали тому пример — они образовали собственную федерацию. Если другие общественные единицы пойдут по этому же пути, то государство — Коммуна — будет заниматься лишь «общими интересами и отношениями с остальной Францией». Здесь Курбе вновь возвращается к своему излюбленному прудонистскому тезису о свободном от влияния государственной власти развитии искусства. Так он писал в декларации, а в жизни он выступал как пред-

¹⁷ А. Н. Тихомиров. Гюстав Курбе, художник Парижской Коммуны. М., 1931; А. С. Гуштин. Парижская Коммуна и художники. Л., 1934; L. A r a g o n. L'exemple de Courbet. Paris, 1952.

¹⁸ Архив муниципальной библиотеки г. Безансона, папка Курбе.

¹⁹ Courbet..., т. II, р. 48.

ставитель Коммуны, т. е. правительственной власти, по делам искусств. «Журналь офисиель» от 6 апреля опубликовал обращение Курбе к художникам: «Гражданин Гюстав Курбе, уполномоченный Коммуной, имеет честь пригласить своих собратьев прийти в следующую пятницу в здание Медицинской школы в два часа пополудни»²⁰.

Курбе обращался к уму, сердцу и чувствам деятелей искусства и призывал их восстановить духовную жизнь столицы, открыть музеи, подумать об устройстве выставки²¹. Откликаясь на эти его пожелания, Исполнительная комиссия Коммуны публикует специальное постановление. Она поручает гражданину Курбе и членам вновь избранной комиссии восстановить нормальную работу музеев и открыть очередную художественную выставку. Всю первую половину апреля художник посвятил подготовке собрания и организации Федерации парижских художников. Он предлагал нормы представительства, занимался музейными делами, выдвигал проект устройства выставок, требовал выборности всех должностных лиц и членов жюри, проведения всеобщих конкурсов, уничтожения Академии, Школы изящных искусств и т. д. и т. п.

14 апреля 400 художников заполнили амфитеатр Медицинской школы. Председательствовал Курбе, рядом с ним находились скульптор Мулен и Э. Потье, представлявший прикладное искусство²². От имени подготовительной комиссии Э. Потье зачитал доклад, положенный в основу устава Федерации. Деятельность Федерации, как явствовало из доклада, должна быть направлена на демократизацию искусства, на то, чтобы сделать его идейно насыщенным, возможно шире распространить его влияние. Вместе с тем в уставе, хотя в него и были внесены некоторые коррективы по сравнению с проектом Курбе, нашла отражение столь характерная для художника противоречивость в вопросе о взаимоотношениях художников с государством. С одной стороны, в нем говорится о «свободном распространении искусства, освобожденного от всякой государственной опеки...», с другой — указывается, что комитет Федерации должен отчитываться перед Коммуной²³. Сама Коммуна рассматривала Федерацию как подведомственное ей учреждение²⁴.

Выборы в Федеральную комиссию художников состоялись в Лувре 17 апреля. Было избрано 47 человек, среди них и известные живописцы — Курбе, Домье, Манэ, Коро, Милле и менее крупные — Бонвен, А. Готье, Лансон, Пиккио, скульпторы Далу, Мулен, карикатурист А. Жилль, «промышленный художник» Потье. Милле, правда, сразу же отказался принять какое-либо участие в Федерации; не было в Париже Манэ и Коро. Наиболее активную деятельность в комиссии развили Курбе, Далу, Жилль и некоторые другие менее значительные мастера.

Таким образом, еще до того как Курбе был официально избран в Коммуну, он фактически сотрудничал с ней по всем вопросам, касающимся развития изобразительного искусства, да и не только искусства. Художник находился в хороших отношениях со многими членами Коммуны и широко пользовался этой дружбой. 8 апреля 1871 г. он писал Л. Риго, возглавлявшему Комиссию общественной безопасности: «Мне нужен пропуск в Шарантон... Я рассчитываю на нашу старую дружбу, надеюсь, что Вы не откажетесь выдать его...» По-видимому, пропуск был ему сразу же предоставлен, так как в следующей записке от 14 апреля Курбе уже ходатайствует о новом пропуске для своей родственницы²⁵. Вместе с военным делегатом Кюзере он осматривал укрепления и позиции коммунаров.

²⁰ «Journal officiel», 6.IV 1871.

²¹ Художественная жизнь Франции XIX века. М., 1938, стр. 86.

²² Автор «Интернационала» Э. Потье был специалистом по росписи тканей.

²³ Художественная жизнь Франции..., стр. 80, 83.

²⁴ Парижская Коммуна 1871 г., т. II. М., 1961, стр. 62.

²⁵ Архив муниципальной библиотеки г. Безансона.

С Ключере Курбе познакомился во второй половине 60-х годов через Кастаньяри, который привел его в мастерскую художника. Тогда же Курбе написал его портрет (1867 г.). Ключере участвовал на стороне Севера в гражданской войне в США, где и получил чин генерала, а затем в движении фениев в Ирландии. Вернувшись во Францию, он стал сотрудничать в республиканских газетах, критиковал империю, за что и был заключен в тюрьму Сент-Пеляжи. По всей вероятности, именно оттуда он писал Курбе: «Неужели Вы не хотите прийти утешить своих друзей... Из окна моей комнаты открывается великолепный вид на Париж... Надо, чтобы Вы обязательно познакомились с Интернационалом, это важно, приходите»²⁶. Уехав после отбытия заключения в Нью-Йорк, Ключере основал там секцию Интернационала. По-видимому, через него Курбе в какой-то мере приобщился к делам Интернационала. Занимая пост военного министра Коммуны, Ключере сыграл неблагоприятную роль, проявив полную неспособность к руководству военными операциями и непонимание создавшегося положения. Курбе никак не прореагировал на арест генерала 30 апреля. Однако ему суждено было еще раз встретиться с Ключере, на этот раз уже в эмиграции, в Швейцарии.

В эти апрельские дни 1871 г. художник с головой окунулся в дела, мало спал, ел на ходу. Его не покидало беспокойство о родителях и сестрах, оставшихся в Орнае, его руки скучали по кистям и палитре, но ничто не могло омрачить его радостного настроения. Деятельная натура Курбе наконец получила возможность развернуться, взяться за осуществление своих планов. Пусть в них было много утопического, противоречивого, но они шли из глубины души, от сердца и должны были, по мысли художника, сблизить искусство с народом, повести его по новому пути. О состоянии Курбе в апрельские дни 1871 г. красноречиво свидетельствует его письмо родителям от 30-го числа. Это уже не официальный, а сугубо личный документ, но он пронизан той же восторженностью, тем же чувством общественного служения, оптимизма, что и официальные бумаги. Только эти чувства выражены здесь более эмоционально, непосредственно. Курбе был цельным человеком — он был одинаков и перед людьми, и перед самим собой. Вот письмо: «Волею парижан я по горло вошел в политические дела. Президент Федерации художников, член Коммуны, делегат в мэрии, делегат по народному просвещению: четыре важнейшие должности в Париже. Я встаю, завтракаю, заседаю и председательствую по двенадцати часов в сутки. Голова идет кругом. Несмотря на головные боли и трудности, связанные с необходимостью вникать в дела, к которым я был непривычен, я в восторге. Париж — настоящий рай; нет полиции, глупостей, нет никаких незаконных поборов, ссор. Париж движется вперед сам, как по рельсам. Хорошо бы, чтобы всегда было так. Одним словом — это истинное восхищение: все люди в государстве объединились в федерации и принадлежат себе.

В свободное время мы сражаемся с версальской сволочью. Каждый по очереди. Они могут воевать таким образом хоть десять лет, но не войдут к нам, а когда мы их впустим, это будет их могила»²⁷.

Как же проявил себя Курбе на посту члена Парижской Коммуны? Знакомство с протоколами заседаний Коммуны и с прессой убеждает нас в том, что деятельность его была весьма разносторонней, хотя Курбе и не связал официально своего имени, как писалось в его характеристике, изданной во время Коммуны, с какими-то чисто политическими актами и декретами²⁸. Он входил в состав Комиссии по просвещению, возглавлявшейся бланкистом Вайяном, однако на заседаниях Коммуны обычно примыкал к прудонистам. Так произошло и 1 мая, когда обсу-

²⁶ Архив муниципальной библиотеки г. Безансона.

²⁷ Courbet..., t. II, p. 140.

²⁸ См. А. С. Гуц и н. Указ. соч., стр. 240.

дался вопрос о создании Комитета общественного спасения. Прудонисты высказывались против создания Комитета, ошибочно видя в нем «узурпацию народного суверенитета». Под заявлением 17-ти, направленным против создания Комитета. Курбе поставил свою подпись рядом с Валлесом, Верморелем, Лефрансэ, Арну и др. Художник всегда выступал против слепого подражания Великой французской буржуазной революции. Повторяя основные положения своей речи в Коммуне, он писал в дальнейшем: «...Что бы там ни говорили, я считаю, что принципы, которыми руководствовало меньшинство в Коммуне, значительно превосходили по своей широте, гуманности, благородству принципы 1793 г. 1793 год не знал ни Соединенных штатов Европы, ни всеобщей децентрализации, ни уничтожения классов во имя создания одного класса — граждан, имеющих право на труд; ему была незнакома ассоциация труда и капитала, уничтожение бедности путем создания рабочих ассоциаций»²⁹. Однако, критикуя неоякобинцев и бланкистов, Курбе высказывался против всякого применения революционного террора, что было безусловной политической ошибкой.

10 мая Курбе вновь выступает на заседании Коммуны, на этот раз по другому вопросу. Ему было поручено подыскать помещение для публичных заседаний. Выражая мнение специальной комиссии, он предлагал для этой цели зал Маршалов в Тюильрийском дворце³⁰. Возглавляя вместе с Варленом и Белэ мэрию VI округа, Курбе принимает участие в проводившейся властями Коммуны реквизиции пустующих квартир с последующей передачей их жителям, пострадавшим от обстрелов. Ему приходится заниматься и множеством других вопросов по VI округу столицы. До нас дошло любопытное письмо, адресованное «делегату Коммуны Курбе» и датированное 9 мая 1871 г.: «...Настоящим мы ставим гражданина Курбе в известность, что сегодня утром в 11 с половиной часов состоится бракосочетание. Гражданин Белэ, так же как и гражданин Варлен, передали, что у них нет никакой возможности присутствовать. Вследствие этого гражданин Курбе остается единственным, кто может оформить эту свадьбу...»³¹

В мае 1871 г. Курбе несколько раз берет слово на заседаниях Коммуны по вопросу о музеях, частных собраниях. Так, 12 и 16 мая он говорит о необходимости сохранения художественной коллекции Тьера. Вопрос этот возник в связи с решением Комитета общественного спасения о срытии дома Тьера и конфискации его имущества. Курбе выступает против делегатов, предлагавших переплавить бронзовые статуэтки или продать их англичанам. Он считает их национальным достоянием и, поддерживаемый некоторыми другими членами Коммуны, добивается передачи их в Лувр.

Назревавший со времени образования Комитета общественного спасения конфликт внутри Коммуны 15 мая приобрел открытый характер. В этот день члены «меньшинства» составили и опубликовали декларацию, под которой стояла и подпись Курбе. Преобладавшие в «меньшинстве» прудонисты выступали против централизации власти, против революционного насилия; они видели в Коммуне лишь муниципальный Совет Парижа³². Впечатление от декларации было исключительно сильным. Даже не очень искушенные в политике люди понимали, что раскол в условиях вражеской блокады чреват самыми серьезными последствиями. Группа граждан VI округа, голосовавшая за Курбе и Белэ, потребовала привлечь их к ответственности³³.

²⁹ Courbet..., т. II, p. 50.

³⁰ Парижская Коммуна, т. I. М., 1961, стр. 454.

³¹ Архив муниципальной библиотеки г. Безансона.

³² Парижская Коммуна, т. I, стр. 499.

³³ Там же, стр. 501.

17 мая состоялось обсуждение поведения «меньшинства» на заседании Коммуны. Характерно, что из 22 членов Коммуны, подписавших декларацию, на заседании присутствовало 15. В их числе были Валлес и Курбе. Первый произнес речь, в которой доказывал от имени своих друзей, что «меньшинство» отнюдь не стремится к разрыву, а ищет «гармонии в рядах Коммуны». Курбе заявил, что все собрались здесь «ради общего блага». Однако примирение фактически не было достигнуто, хотя внешне конфликт казался улаженным. На последнем официальном заседании Коммуны 21 мая председательствовал Валлес, а его заместителем был Курбе. «Меньшинство Коммуны, вняв мудрым советам, а также наказу своих избирателей,— писала газета «Ванжер» 22 мая,— ...вновь заняло свои места на вчерашнем заседании. Большинство, чтобы поощрить возвращение этих блудных сынов, устроило им радушную встречу, избрав самых выдающихся из них, гражданина Жюля Валлеса и гражданина Курбе, председателем и заместителем председателя собрания»³⁴.

Ни «большинство», ни «меньшинство» в Коммуне и не подозревало, что этот день — 21 мая — явится первым днем «кровавой недели». Уже после полудня в результате предательства, версальцы заняли ворота Сен-Клу и вступили в Париж.

Можно подвести теперь некоторые итоги участия Г. Курбе в Коммуне. Его роль в ней не может быть признана достаточно активной. Он мало выступал и касался в основном вопросов организации художественной жизни. Когда же он затрагивал вопросы большой политики, то допускал ошибки прудонистского толка. Все это так. Но «требовать сейчас, чтобы Курбе во времена Коммуны был иным, чем он был, и делал больше того, что он делал, означало бы не понимать истории»³⁵. Художник совершил настоящий, высокопатриотический подвиг. Он участвовал в правительстве первой в мире пролетарской диктатуры и, несмотря на заявление от 15 мая, как и другие члены «меньшинства», остался верен своему революционному долгу до последних дней. Наибольшую пользу Курбе приносил на том участке, на котором он только и мог ее принести,— в проведении политики Коммуны в области искусств.

Посмотрим теперь, что же было сделано руководимой Курбе Федеральной комиссией художников во второй половине апреля и первой половине мая? 20 апреля она избрала три подкомиссии: 1) по делам музеев, 2) выставок и 3) художественному образованию. Деятельность первой комиссии была направлена на то, чтобы подготовить выставку современного искусства. Особенно много было сделано в области музеев, где были уволены бывшие директора и хранители, которые саботировали решения Коммуны. Временным администратором Лувра был назначен архитектор А. Удино; в качестве помощников к нему были прикомандированы скульптор Далу и живописец Ж. Эро. Временным администратором Люксембургского музея стал карикатурист А. Жилль. Но эта смена руководства произошла лишь в мае. У новых администраторов оказалось в запасе слишком мало времени. Все же кое-что было сделано, причем не только в Лувре и в Люксембургском музее, но и в Карнавале, в Севре, в Гобеленах.

Что касается художественного образования, то комиссия фактически не успела развернуть работу. Она добилась одного: 2 мая было решено закрыть Школу изящных искусств и Римскую школу. Но и то немногое, что было осуществлено Федерацией, говорило о начале перестройки художественной жизни в Париже. Об этом свидетельствует, в частности, доклад Федеральной комиссии художников делегату по народному образованию Вайяну³⁶. В нем идет речь о финансовой реорганизации и о внед-

³⁴ Парижская Коммуна, т. I, стр. 514.

³⁵ Л. Драгоп. Указ. соч., стр. 285.

³⁶ Рапорт приведен в кн.: А. С. Гуцци. Указ. соч., стр. 228—233.

рени демократических принципов. Комиссия заявляла, что следует прекратить ассигнования прежним художественным учебным заведениям, а помещения, в которых они располагались, использовать при чтении практических курсов. Организацию выставок следует передать самим художникам, а все заказы предоставлять только по конкурсу. Зато необходимо увеличить ассигнования на проведение народных праздников. Уже после падения Коммуны Курбе писал: «...Если бы Парижская Коммуна продолжала существовать, то ...места занимались бы по конкурсу выборными лицами в соответствии с их способностями, талантом и истиной и тогда не назначали бы танцовщика туда, где нужен математик»³⁷. Идея этого доклада заключалась в уничтожении старых, отживших форм, мешающих свободному развитию искусств, и создании условий, дающих простор новым, прогрессивным силам.

Было бы нелепым требовать от Коммуны и от Федерации художников четкого определения направления, по которому должно развиваться искусство. Федерация существовала всего месяц, а Коммуна — 72 дня. Однако установка на народность и воспитательную роль искусства (о чем свидетельствуют не только документы, но и небывалый подъем такого массового, злободневного искусства, как политическая карикатура), тот факт, что во главе художественной жизни стояли такие мастера, как Курбе, Далу, Жилль, что высоко ценилось искусство и образ мыслей Домье³⁸, дают основания предполагать, что этим направлением был бы реализм. Реалистическое направление непременно приобрело бы новые черты, если бы имело подходящие условия и время для своего развития. В этом убеждает нас, в частности, трактовка образа положительного героя в политической графике Коммуны. Но ни условий, ни времени для создания своего большого искусства у Коммуны не оказалось.

Мы должны осветить еще один вопрос, имеющий непосредственное отношение к Курбе и к Коммуне, — вопрос о Вандомской колонне. Он стал основным пунктом обвинения против Курбе; вокруг него ломали и ломают копьа критики и искусствоведы. Поэтому нам представляется целесообразным рассмотреть этот вопрос отдельно.

Декрет о свержении Вандомской колонны был принят Коммуной, на основе предложения Ф. Пиа, 12 апреля. В нем говорилось, что императорская колонна является памятником милитаризма, ложной славы, посягательством «на один из трех великих принципов Французской республики — братство». Осуществление декрета было поручено инженеру Ирибу³⁹. Декрет встретил единодушное одобрение парижской общественности, и, когда 16 мая он был приведен в исполнение, на площади собралась огромная толпа, приветствовавшая свержение колонны криками «Да здравствует республика!» От имени Коммуны выступили Бержере, Мио, Ранвье. Как видно, Курбе не имел непосредственного отношения к свержению колонны. В Коммуну он был избран уже после принятия соответствующего постановления, и предложение о ее разрушении исходило не от него. Он никак не проявил себя 16 мая, хотя и был на площади среди зрителей⁴⁰.

Однако его выступления по поводу колонны в сентябре — октябре 1870 г. прочно врезались в памяти парижан, и устная традиция связала этот акт Коммуны с его именем. Об этом говорит ряд эпизодов. 27 апреля 1871 г. полковник инженерных войск, которому было поручено подготовить свержение колонны, направил Курбе письмо. Он просил отдать рас-

³⁷ Courbet..., t. II, p. 59.

³⁸ См. «Caricature politique», № 6, 23 марта 1871 г.

³⁹ Парижская Коммуна, т. I, стр. 489—491.

⁴⁰ Некоторые биографы отрицают этот факт (Courbet..., t. I, p. 261), но свидетельства друга Курбе Валлеса и М. Вийома убедительно подтверждают его присутствие на площади.

поряжение о включении в это дело ведомства путей сообщения⁴¹. Журналист Максим Вийом в своих воспоминаниях рассказывает, что 16 мая по дороге на Вандомскую площадь они с Вермершем встретили Курбе. Его карманы были набиты анонимными письмами, полными угроз. Один из «корреспондентов» заверял «презренного убийцу», как он называл художника, что его дни будут сочтены, как только статуя императора упадет на землю; ему угрожали убийством, отравлением, обещали сбросить в Сену, когда он пойдет к себе на левый берег⁴².

Как сам Курбе относился к этим разговорам? У нас есть его показания на суде, объяснительные записки адвокату, письма к друзьям и государственным чиновникам, но все они датируются временем после падения Коммуны. Тем больший интерес представляют воспоминания карикатуриста и фотографа Э. Каржá, связанного с Курбе дружескими узами. Каржá описывает день 17 мая, следующий после свержения колонны. В кафе Мазарини он встретил сияющего Курбе. «Я хотел только разобраться и перенести в другое место эту дурацкую колонну, — сказал художник, — но раз уже она валяется на земле, значит они решили, что так будет лучше и нет оснований для огорчений; признайся, что это небольшая потеря с точки зрения искусства, это не Траянская колонна». Обед прошел в компании Валлеса, Журда и еще нескольких человек. Валлес и Журд заметили, что скоро придет час расправы, но они до конца выполняют свой долг. Каржá повернулся к Курбе. «Валлес и Журд сошли с ума, — воскликнул художник, пожимая плечами. — Где была бы логика, если бы мы не выиграли»⁴³. К сожалению, Валлес и Журд оказались правы. Первый с помощью друзей вскоре бежал за границу, а Журд и Курбе — арестованы.

Когда версальцы ворвались в Париж, Курбе проводил все время в Лувре, принимал меры по охране коллекций. Он жил в эти дни уже не у своей родственницы, а у некого Леконта, фабриканта музыкальных инструментов на улице Сен-Жилль. Здесь же художник спрятался, когда Париж был захвачен войсками Тьера. Его искали повсюду, а по городу ползли зловещие слухи: отправился в Сатори, расстрелян на баррикадах... 28 мая муниципалитет Орнана принял решение снять скульптуру «Ловец форелей» — подарок художника родному городу. Подавленная слухами и убитая горем во Флажей умирает мать Курбе. Тем временем полиция продолжает поиски: она переворачивает вверх дном квартиру родственницы художника, несколько раз устраивает обыск в ателье на улице Отефей и, наконец, 7 июня находит Курбе в его убежище. Начинается полоса унижений, допросов, нечеловеческих моральных и физических страданий. Префектура полиции, тюрьмы Консьержери, Мазас, подвалы Версаля, госпиталь, третий военный суд, приговор, Оранжеви, тюрьмы Сент-Пьер, Сент-Пеляжи, больница доктора Нелатона — такова история Курбе с 7 июня 1871 г., дня ареста, до 1 марта 1872 г., дня освобождения. Освобождение из заключения, однако, не принесло свободы. Буржуазная Франция мстила художнику на каждом шагу, отравляя ему существование, лишая радости творчества. Но о том, что произошло после марта 1872 г., речь пойдет несколько ниже.

8 июня Курбе посылает записку Кастаньяри. Он сообщает о своем аресте, о ночи, проведенной в коридоре с другими арестованными, о заключении в камеру. В конце он делает приписку: «Мое положение не из веселых. Вот куда приводит веление сердца»⁴⁴. Примерно то же самое он пи-

⁴¹ Архив муниципальной библиотеки г. Безансона. Подпись полковника неразборчива.

⁴² M. Vuillaume. Mes cahiers rouges. Septième cahier de la dixième série. Paris, s. d., p. 173.

⁴³ Et. Carjat. G. Courbet. — «L'Echo de Paris littéraire illustré», N 18, 29 мая 1892.

⁴⁴ Courbet..., t. II, p. 141.

шет Реверди, мужу своей сестры Зоё. Он устал, готов со всем согласиться, лишь бы его оставили в покое. В ином тоне составлено письмо в Орнан от 10 июня — Курбе еще докажет Франции, что такое человек, «который исполнял свой долг при любых обстоятельствах»⁴⁵.

Курбе пишет не только близким и друзьям, он обращается к судебным чиновникам, к председателю Национального собрания Ж. Гриви, к министру просвещения Ж. Симону, к влиятельным лицам из Франш-Конте. Просматривая эту корреспонденцию, можно хорошо представить себе состояние художника в дни, когда во Франции свирепствовал белый террор. Прежде всего Курбе объясняет властям свои поступки. Он вновь и вновь повторяет, что непричастен к декрету Коммуны о разрушении колонны, что он хотел лишь разобрать ее и перенести в другое место. Он утверждает, что играл в Коммуне роль миротворца, что делал все возможное для сохранения памятников искусства. Художник подчеркивает, что всегда стремился выполнить свой долг и в дни тяжелых испытаний своей родины оставался на посту. Курбе не просто защищается. Он бросает вызов: он устроит распродажу картин и восстановит колонну на свои средства (письмо к Ж. Симону и др.). И это, несмотря на то, что пруссаки разграбили его ателье в Орнани, а барак, в котором находилась парижская выставка 1867 г., был разобран на баррикады!

Страдания и ужасы тюремного заключения не поколебали мужества художника. А их было предостаточно. Вот отрывок из письма, написанного из тюрьмы Мазас: «Я принадлежу к плеторическим натурам, подверженным приливам крови, и страдаю воспалением внутренностей. Неправедливости по отношению ко мне довели меня до того, что я все время хочу спать и не могу есть... Вот уже 40 дней, как я нахожусь в предвзвешенном заключении, и будьте уверены, что я прошел через все испытания: я спал в нечистотах, меня возили в Версаль в тюремном фургоне, на обратном пути мне надели ручные кандалы и в таком виде показывали на улицах Парижа. Я думаю, что можно было бы уже удовлетвориться»⁴⁶. «Меня ограбили, разорили, оклеветали, меня таскали по улицам Парижа и Версаля, осыпали глупостями и оскорблениями, — писал несколько позднее Курбе из тюрьмы Сент-Пеляжи». Ему оставалось лишь одно утешение, что он не одинок — «...нас 200 000 скорее мертвых, чем живых. Дамы, простые женщины, дети всех возрастов, даже грудные, не считая бездомных детей, бродящих по улицам Парижа без отца и матери, которых арестовывают тысячами каждый день.

С тех пор, как мир существует, земля не видела ничего подобного; ни один народ, ни одна история, ни одно время не знали подобной резни, подобной мести»⁴⁷.

Конечно, Курбе было не до искусства. А между тем судебные чиновники, секретари, заключенные, узнав, что перед ними художник, настойчиво просили о рисунках. Вначале он отказывался⁴⁸, но затем стал брать в руки карандаш. Да и как могло быть иначе — карандаш и кисть были для него самыми близкими друзьями, оружием, с помощью которого он сражался, раздумывал, наблюдал. Писать маслом было невозможно, но зато небольшие листы бумаги легко покрывались набросками. Иногда Курбе делал портреты⁴⁹, но чаще всего просто фиксировал то, что видел вокруг. А вокруг разворачивалась трагедия народа. Курбе рассказал о ней немногословно, отрывочно, но в каждом из его маленьких рисунков было столько боли, трагизма, так остро ощущалась причастность художника, что они

⁴⁵ G. Ri at. Op. cit., p. 311.

⁴⁶ Цитируется по Каталогу распродажи коллекции Альфреда Дюпон 18—19 июня 1957 г. Ж. Риа на стр. 312 своей монографии передает кратко содержание этого или очень близкого к нему письма.

⁴⁷ Courbet..., t. II, p. 144.

⁴⁸ G. Ri at. Op. cit., p. 310.

⁴⁹ Ch. L e g e r. Op. cit., p. 143.

являются для нас не только документом эпохи, но и криком души человека, страдающего вместе с народом.

В 1939 г. Лувром был приобретен альбом с рисунками Курбе. В нем 47 листов, но всего 13 рисунков; восемь из них имеют отношение к Коммуне, остальные изображают сельские сцены и пейзажи. Неизвестно, пишет Арагон, опубликовавший эти рисунки, исполнены ли все рисунки в 1871 г. или Курбе использовал уже начатый альбом⁵⁰. В самом деле, представляется вполне вероятным, что Курбе, находясь в заключении, делал какие-то наброски, связанные с его прошлой жизнью, природой. Он невероятно тосковал и эту тоску еще углубило известие о смерти матери. Он вспоминал, как ходил с ней за орехами и малиной в лесах Франш-Конте, вспоминал свою молодость в Париже, когда устраивались загородные прогулки в парках Медона или Флэри... «Странно,— размышлял Курбе,— что в поворотные минуты думаешь о самых наивных вещах»⁵¹.

Непосредственное знакомство с альбомом убеждает, что первые три рисунка из пяти сделаны, по-видимому, раньше 1871 г. Они значительно отличаются от остальных по стилю, линия в них тонкая, изящная, светотеневая моделировка легкая и нежная. Кроме того, два рисунка: «Ручей в горах» и «Ветки и камни» — кажутся выполненными прямо с натуры. Два последних рисунка на обратной стороне 45-й и 46-й страниц, наоборот, примыкают по характеру штриха, моделировки, экспрессии к циклу Коммуны. На одном из них видна крестьянская девушка, в страхе поднимающая руки при виде двух галопирующих на быках парней; на втором — пастушка со стадом коз, мирно пасущихся на опушке леса (сцена в духе Милле). Вполне возможно, что они были исполнены по памяти в 1871 г.

Обратимся теперь к зарисовкам, связанным с последними страницами Коммуны. На первой и второй из них (стр. 4 и 5 альбома) изображены заключенные в Оранжерии Версаля. Люди расположились прямо на полу около своего несложного скарба: сундучков, вещевых мешков, посуды... Одни читают, другие задумчиво слушают, третьи — что-то жуют... Курбе не привлекает внимания к какой-либо отдельной фигуре или группе — он лишь намечает их общие подвижные очертания. Третий рисунок (стр. 6) — это сам Курбе в камере. Он сидит на деревянной скамейке спиной к зрителю. Суммарно угадываются черты лица и неизменная трубка в зубах. По-видимому, он только что ел — за ним на столе видна кастрюля с ложкой, кувшин и бутылка. Справа — умывальник, под ним ящик. Посередине — массивная дверь с маленьким окошечком-глазком наверху. Убогая, казенная обстановка! Четвертый рисунок (стр. 7) — один из самых трагичных. Это «Большие конюшни Версаля. Коммунарки». На голом полу около сырой стены лежат женщины. Проникающий сквозь решетчатое окно свет падает на их раскинувшиеся, свернувшиеся, скрюченные тела, которые инстинктивно жмутся друг к другу. Следующая, восьмая страница (рис. 5) — «Расстрел». Композиция листа напоминает «Расстрел императора Максимилиана» Манэ (1867) или «Расстрел восставших» Ф. Гойи. Справа безликая масса солдат, дающих залп; слева расстреливаемый и командир, отдающий приказ. На земле тела убитых. Конечно, рисунок Курбе всего лишь набросок, но в нем показан героизм жертвы. В последнюю минуту, подняв вверх руку, осужденный произносит какие-то дерзкие слова в лицо палачей. Шестой рисунок (стр. 9) — «Дети под деревом». Затем идут два пустых листа и, наконец, седьмой и восьмой рисунки: «Арестованные под конвоем» (стр. 11) и «Расстреливаемый» (стр. 12). На первом рисунке видны женщины с малолетними детьми и старики, конвоируемые солдатами. То ли их гонят в тюрьму, то ли ведут на расстрел...

⁵⁰ L. A r a g o n. Das Beispiel Courbet. Dresden, 1956, S. 215.

⁵¹ Courbet..., t. II, p. 143.

Последний рисунок назван Арагоном «Курбе в тюрьме». Действительно, довольно тучный бородатый человек похож на художника, особенно если сравнить зарисовку с рисунком А. Готье, сделанным в тюрьме Мазас 16 августа 1871 г.⁵² Готье изобразил Курбе сидящим на табурете у стола, в расстегнутой на груди рубашке. Широкое лицо, обрамленное темными волосами и бородой, задумчиво; рука придерживает трубку. На зарисовке из альбома виден стоящий во весь рост человек; обеими руками он разрывает рубашку, словно подставляя грудь под штык. Голова чуть откинута назад, одна нога отставлена. На земле лежит мундир и кепи (Курбе был лейтенантом 45-го батальона). Поза изображенного говорит о его бесстрашии и презрении к врагу. Таковы дошедшие до нас свидетельства Курбе о заключенных коммунарах. Драматическая, мрачная тема, доминирующая в них, порою вдруг обрывается и начинает звучать тема человеческого героизма, мужества. По этому пути в трактовке событий Коммуны пойдут в дальнейшем другие прогрессивные художники Франции, в частности Т.-А. Стейнлен и М. Люс.

Два первых рисунка из цикла Коммуны исполнены карандашом, остальные углем с добавлением мела. Быть может, Курбе думал использовать их в дальнейшем в качестве предварительных эскизов будущих картин — все они композиционно построены, а фигуры, лица, детали намечены очень бегло, обобщенно. В архиве Курбе в Национальной библиотеке сохранились сведения о рисунке «Свобода», посвященном празднованию Дня федерации на площади Согласия. На нем были изображены члены Коммуны, стоящие на эстраде; отдельные лица можно было легко узнать. Художник явно намеревался написать большое полотно⁵³.

7 августа в Версале начался процесс Курбе. Перед третьим военным судом предстало 17 человек. 2 сентября им был объявлен приговор. Двое из них были приговорены к смертной казни, двое — к пожизненной каторге; девять — к ссылке, один — к шести месяцам тюрьмы и штрафу; один — к трем месяцам тюрьмы; двое были оправданы. Курбе получил шесть месяцев тюрьмы и должен был уплатить штраф.

Художника защищал адвокат Лашо, приглашенный его сестрой Зоё. Это был бонапартист, человек, который ни разу не поздоровался с Курбе за руку и согласился защищать его не сразу и лишь за большие деньги. Обращение к такому адвокату, которого трудно было заподозрить в сочувствии к художнику, в какой-то мере облегчало дело защиты, но Курбе и Лашо так и остались чужими, не понимающими друг друга людьми.

Очевидно, для Лашо, а может быть и для собственного выступления, предназначались объяснительные записки, хранящиеся по сей день в архивах Франции. Некоторые записки написаны от первого лица, другие — от третьего. По содержанию они близки между собой, близки к письмам этого времени. Курбе рассказывает в них о себе, начиная нередко повествование с дней своей учебы в Безансонском коллеже и своего первого приезда в Париж. Художник как бы вновь перелистывает страницы своей жизни, вспоминает, уточняет. В революцию 1848 г. он был «республиканцем-социалистом», в течение 20 лет противостоял империи. Выполняя свой «гражданский долг», он возглавлял художественную жизнь Парижа после 4 сентября, обеспечивал охрану музейных ценностей. Больше чем когда-либо он чувствовал необходимость быть на посту после 18 марта. Ему оказали доверие и избрали в Коммуну, где он примкнул к «меньшинству», выступал против «традиционных республиканцев». Ему казалось, что, для того чтобы сделать социальную революцию, совсем не обязательно прибегать к насилию — ужасы июньской резни 48-го года всегда были у него перед глазами. Провозглашение Коммуны глубоко врезалось в его

⁵² Рисунок воспроизведен Ш. Леже (Ch. L e g e r. Op. cit., p. 177).

⁵³ Национальная библиотека, Архив Курбе, коробка № 7.

память — он до сих пор не может забыть толпу перед Ратушей, когда отдельный человек стирался и поглощался людской массой. Последние дни Коммуны были страшны: «...Доведенный до отчаяния народ решил дорого отдать свою жизнь... Умереть так умереть, — кричали мужчины, женщины, дети, — но мы не пойдем в Кайенну»...⁵⁴

А теперь — теперь все продолжается резня: «...Я до глубины души презираю виновников этого всеобщего истребления; в их бешеной злобе я вижу их слабость и полное скудоумие. Эти подлые палачи и гнусные трусы хотят доказать свою правоту тем, что уничтожают всех, кто не принадлежал к Коммуне, несмотря на обвинения, которые тяготеют над нею, ма к сестре Жильетт от 27 августа, то отношение Курбе к Коммуне после ее падения станет ясным. «...Я горжусь тем, — пишет художник, — что принадлежал к Коммуне, несмотря на обвинения, которые тяготеют над нею; так как это правительство, в принципе похожее на швейцарское, является идеалом государства: оно уничтожает невежество, делает войны и привилегии невозможными»⁵⁶.

Далеко не все, что содержится в письмах и черновых материалах, было изложено Курбе в процессе, да и вряд ли было бы разумным раздражать судей, тем более, что вокруг художника нагнеталась обстановка ненависти. На все лады издевались карикатуристы, возглавляемые бежавшим в Версаль Шамом. Александр Дюма-сын, забыв о красотах французского языка, разражался по адресу художника настоящей бранью. В стихах «Спасем Курбе» Э. Бержера предлагал посадить его в клетку, охраняемую жандармами, и днем и ночью показывать публике. Примеры можно было бы умножить.

Допрос Курбе состоялся 14 августа. Ему инкриминировалось «покушение, подстрекательство войск, захват функций и участие в разрушении памятников». Однако допрос вертелся вокруг Вандомской колонны. Особенно интересны были данные 17 августа показания коммунара П. Груссе, который заявил, что Курбе не имел отношения к разрушению монумента. Но им не придали особого значения. Снова потянулись длинные, тяжелые дни. Курбе был болен. Еще до начала суда его должны были поместить в госпиталь, и после суда он провел там несколько дней.

Приговор — обвинение в соучастии при свержении Вандомской колонны — Курбе встретил вяло. Его силы подходили к концу. «Они убили меня, — сказал художник товарищу, с которым встретился в госпитале, — ...я чувствую, что уже не сделаю больше ничего хорошего!»⁵⁷

Когда Курбе несколько пришел в себя, его перевезли в Париж и поместили в тюрьму Сент-Пеляжи. Две мысли владели им в ту пору — желание поправиться, почувствовать себя здоровым человеком и мечта о живописи. Но и для того и для другого нужно было обращаться с просьбами о медицинской помощи, просить разрешения писать. Но никакая медицинская помощь не могла оказаться действенной в условиях тюрьмы. «Эта свободная и независимая натура, — пишет сестра Курбе Зоэ, навещавшая его, — не могла вынести заключения. Ему были необходимы: движение и свобода... Несмотря на все мои старанья его развлечь ...я ощущала близость смерти, если не будут приняты какие-то меры, чтобы сократить заключение»⁵⁸.хлопоты родных и друзей, с одной стороны, и необходимость срочной операции — с другой, привели к тому, что в последних числах декабря Курбе был перемещен под честное слово в клинику доктора Дюваля в Нейи. Что касается разрешения писать, то вначале ему было отказано, однако через некоторое время мольберт, холст, кисти и краски все же ока-

⁵⁴ Архив муниципальной библиотеки г. Безансона.

⁵⁵ Документ опубликован Л. Арагоном (Л. Арагон. Указ. соч., стр. 280).

⁵⁶ G. Riat. Op. cit., p. 315.

⁵⁷ Ibid., p. 323.

⁵⁸ Bulletins N 17—18. Les Amis de Courbet.

записались в камере художника. Курбе взял их со страхом. Он совсем забыл о том, что он живописец, и простился с морем, лесом, бескрайним небом... (письмо Башелену). Море, леса и даже небо ему в самом деле совсем не приходилось видеть, но у него оставались две модели: он сам и окружавшие его предметы.

В орнанском музее находится автопортрет художника, написанный во время пребывания в Сент-Пеляжи. Курбе сидит на подоконнике. За решеткой видны серые стены с аккуратными прямоугольниками окон, вымощенный серыми плитками тюремный двор, несколько тщедушных деревьев с чахлой бледно-зеленой листвой. Разве есть в этом что-либо похожее на великолепие орнанских лесов или бездонный купол синего неба над морем? И все же тоскующий взгляд пленника тянется к солнечному свету! В этом взгляде нет ни отчаяния, ни надрыва, а лишь задумчивая сосредоточенность, печаль. Курбе очень похудел; под темно-коричневым арестантским костюмом совсем не чувствуется его плотное, полное тело. Осунулось и лицо, оттененное белыми полосками воротника и красным галстуком. Падающие на висок, щеку и нос неяркие робкие блики света подчеркивают его костистость, худобу. Надвинутый на лоб темный берет, борода, усы и волосы оттеняют бледность. Привыкшая держать кисть правая рука вяло лежит на краю стола. Левая поднесена к лицу. Она придерживала трубку, но Курбе записал ее, и рука повисла в воздухе, как будто художник для чего-то приподнял ее, да и застыл так, поглощенный своими мыслями. Портрет выдержан в теплой коричнево-желтоватой гамме тонов, сочетающейся с серо-голубыми; наиболее ярко звучит красное пятно галстука. Портрет полон настроения, его можно было бы назвать «Раздумье».

Неподалеку от автопортрета в орнанском музее висит натюрморт, написанный в Сент-Пеляжи на двери камеры — на темно-сером фоне красные, белые, голубые, желтые цветы, окруженные зелеными листьями. Натюрморт, и в частности изображение цветов, далеко не новый жанр в творчестве Курбе. Особенно часто он писал цветы во время своего пребывания в Сентонж в 1862—1863 гг. Художник остро ощущал декоративную пышность, богатство собранных в букеты цветов, но почти не передавал тонкую хрупкость и нежность растения.

Лучшие натюрморты периода заключения изображают не цветы, а фрукты. Их обычно приносила Курбе сестра. И совершенно естественно, что именно фрукты, полные живительных соков, как бы вобравшие в себя лучи солнца, привлекали художника. На фоне убогой тюремной обстановки они воспринимались как ласковый привет от свободной щедрой земли. «Яблоки и груши» (частн. собр., Париж) — Курбе бережно и любовно разложил на белой салфетке плоды: одно красное яблоко, затем два желтых рядом и, наконец, желто-зеленая груша. Мазок уверенно ложится по форме, передавая гладкую поверхность яблок и шершавую бугристость груши. Несколько безошибочно точных ударов кисти с белилами — и формы становятся особенно выпуклыми, объемными. Тяжелые, сочные плоды... А за ними — густой черно-коричневый фон, чуть тронутый в разных местах мечущимися, почти прозрачными голубовато-серыми мазками. И на этом фоне в левом верхнем углу красная надпись: Курбе, Сент-Пеляжи, 71 г. В сочетании темного, непроницаемого фона и великолепных, солнечных плодов есть что-то напряженное, противоречивое.

Эта напряженность, внутренняя взволнованность характерна для всех «тюремных» натюрмортов. Взять к примеру один из самых блестящих — «Яблоки и гранаты» (частн. собр., Париж). Впереди видна структурно построенная, вписывающаяся почти что в пирамиду горка яблок и гранатов. Один из плодов разломан, и взгляд зрителя останавливается на налитых кроваво-красным соком зернах. Красноватые тона переходят и на задний план, звучат в вишнево-красных отблесках неба, ибо Курбе вводит в композицию натюрморта пейзаж: раскидистое дерево с темно-зеленой лист-

вой, подернутое сумраком поле с бегущими над ним облаками. Фрукты лежат не на столе, а прямо на земле. Пейзаж полон тревоги,— обращаясь к наиболее близкому ему миру природы, художник говорит о себе. Он никак не связан с изображением какого-то определенного мотива, а творит на основе собственной фантазии. Разве в этом наклонившемся, раскидном дереве нет чего-то от него самого? Разве сгущающиеся вокруг кровавые сумерки не напоминают его собственной доли? Ветер колыхнет древесную крону и гонит облака, весь мир словно смещается и приходит в движение, но взгляд снова возвращается к устойчивой определенности горки фруктов — художник не запутался в клубке противоречий. Он продолжает стоять на земле, дающей ему силы и веру.

Как гимн жизни, изумительной красоте природы воспринимается натюрморт «Виноградная гроздь» (Пти-Пале). Под ним стоит подпись Курбе и указан 1871 год. Однако некоторые исследователи не без основания полагают, что он был написан уже в клинике доктора Дюваля. Голубеет небо, светлые и темные мазки коричневого передают плотную землю, раскинулись по обе стороны от лозы зеленые листья, но кисть винограда в центре холста как бы вобрала в себя все соки земли. Отливающая зеленым, желтым, коричневым, розовым, она переливается, играет под лучом солнца... Нет, художник Курбе не погиб, тюрьма не убила в нем жажды творчества, не загнушила его влюбленности в жизнь!

Курбе действительно был полон веры в жизнь. Он чувствовал, что его глаз и рука не изменили ему, он верил в скорое освобождение, во встречу с родными, с любимыми местами Франш-Конте... Ему было несравненно лучше у Дюваля, чем в Сент-Пеляжи. Он мог гулять по саду, его навещали друзья и знакомые, среди них были А. Готье, К. Монаэ, Э. Буден. Операция в конце января прошла успешно.

В марте 1872 г. срок заключения Курбе кончился. Он мог теперь свободно перемещаться по городу, выезжать за его пределы. Он готовился к очередному салону. Но ему сразу же дали понять, что пощады бывшему коммунару не будет. Стоя перед его картинами, член жюри Мейсонье изрек: «Господа, нет необходимости смотреть это; здесь речь идет не об искусстве, а о достоинстве. Курбе должен быть навсегда освобожден от участия в выставках; отныне он мертв для нас». Кастаньяри находит Добиньи и предлагает составить протест от имени художников. «У нас будет всего три подписи,— отвечает пейзажист,— моя, Домье и Коро; ни одной больше»⁵⁹.

Курбе наводит справки о спрятанных картинах и узнает, что они растащены и разграблены. Газеты и карикатуристы продолжают издеваться над ним, бывшие знакомые не замечают его. А круг друзей все более сужается — кто в изгнании, кто в ссылке, кто просто уехал из Парижа. Правда, рядом неизменно дружественный Кастаньяри, который поддерживает его. Но дружба с ним раздражает родственников художника. Охлаждение отношений между Курбе и четой Реверди (Зоэ и ее мужем) переходит в полный разрыв. Да и как могло быть иначе, если Курбе гордился своим участием в Коммуне, а чета Реверди, которых художник позднее называл «бонапартистами», считала это участие «падением в прощаль».

Возвращение в Франш-Конте (май 1872 г.) было одновременно и радостным и горестным. Свидание с близкими, вид любимых лесов, гор и рек согревали сердце, родной воздух дурманил голову, но... сколько появилось за истекший год этих «но»! Не было больше старенькой матери, не стоял на орнанской площади «Ловец форелей», превращенное пруссаками в конюшню обгоревшее ателье было ужасно. А люди! Не все были такими, как приветливо встретившие его Ординеры. Многие, здороваясь сегодня, на следующий же день спешили оправдаться: они не имеют ниче-

⁵⁹ G. Ri a t. Op. cit., p. 333—334.

то общего с революционером! В письме к Кастаньяри от 14 августа Курбе рассказывает, например, об эпизоде, происшедшем в Безансоне: «Я пил пиво. Когда я вышел, наполеоновский лавочник разбил стакан, из которого я пил!»⁶⁰. А болезнь! Она не отступила, а лишь дала передышку, чтобы затем заявить о себе с новой силой. «...У меня болит печень... плеврит, ревматизм, окружающее вызывает отвращение», — повторяет художник в письмах, датированных декабрем 1872 г. — январем 1873 г. У него много заказов, но в искусстве не всегда можно достигнуть цели в заданное время». «Я хочу, мой друг, сделать для Вас хорошие картины, — пишет Курбе заказчику Пастеру. — Я артист, а не коммерсант. Это касается не только Вас, но и меня, моей репутации. Для этого нужно почувствовать желание работать, иными словами, дожждаться вдохновения»⁶¹.

Курбе работалось все труднее и труднее. Он сам был похож на вытасченную из воды рыбу, которую написал для Пастера. Выведенный из состояния равновесия, лишенный привычной среды, он задыхался, подобно форели на песке (Цюрих, Музей искусств). Эта прекрасная картина, продолжающая цикл натюрмортов, датирована 1871 г. Однако она написана в 1872 г., что подтверждают письма с упоминанием о ней. Кроме того, вряд ли можно предположить, что Курбе приносили в Сент-Пеляжи свежую рыбу, да к тому же столь характерную для горных районов Франш-Конте. Форель написана с натуры, ее чешуя еще сохранила влажность, а короткий хвост только что трепетал на песке, но это уже агония — открытый рот с торчащей из него леской, мутнеющий глаз, кровавые пятна под жабрами говорят о скором конце. Пейзажный фон, как и в «тюремных» натюрмортах, «придуман». Он остро драматичен. Рыжие скалы, сине-зеленая вода, зелено-желтое, словно полыхающее, небо как будто ведут напряженную титаническую борьбу. Их очертания стираются, формы переходят одна в другую, цвета становятся все более мрачными.

Начался 1873 год. Курбе по-прежнему живет в Орнани. Кастаньяри решительно не советует ему возвращаться в Париж, обстановка в котором становится все более неблагоприятной. Уже ставится под сомнение самое существование республики и ведутся споры о претендентах на престол. Даже «кровавый карлик Тьер» кажется монархистам слишком левой фигурой, и они сажают на президентское место одного из главарей бонапартистской военщины, маршала Мак-Магона. А в Орнани Курбе все-таки может работать.

И он работает с каким-то особым остервенением, как бы предвидя новые тяжелые перемены в своей жизни. «У меня в Орнани столько заказов, что конца им не видно, — пишет он Кастаньяри 18 марта. — Мне необходимо обзавестись учениками, чтобы все их выполнить. Скверно говорить это, но я один извлекаю от Коммуны пользу, за исключением моих единоверцев. У меня сейчас более пятидесяти заказов на картины...»⁶² Объяснить это обилие заказов нетрудно: некоторые хотели поддержать опального художника, но многих привлекала к нему его «скандальная» известность. Было недурно как-нибудь небрежно сказать гостям: а вот тут у меня, знаете ли, есть картина того самого Курбе, который... и т. д., и т. п. Художник писал главным образом пейзажи, реже натюрморты. Но творчество не заполняло его целиком — он все время мучительно следил за тем, что происходило в столице.

В феврале был выдвинут проект восстановления Вандомской колонны, а в мае он был принят палатой. Восстановить ее должен не кто иной, как Курбе, тот самый Курбе, который болен, обворован, который только что вышел из заключения. Расчет был ясен — снова «пять лет тюрьмы или

⁶⁰ Courbet..., t. II, p. 147.

⁶¹ Письмо Пастеру от 25 декабря 1872 г. находится в собрании «Общества друзей Курбе». Опубликовано в бюллетене № 28.

⁶² Courbet..., t. II, p. 154.

30 лет ссылки за несостоятельностью»⁶³ и, конечно же, смерть, так как для всех было ясно, что вынести нового заключения художник не сможет. В июне государственные чиновники начинают разыскивать, опечатывать, забирать принадлежащие ему вещи, — все, начиная от картин и кончая безделушками. Они должны обеспечить сумму в 500 тыс. фр. золотом. Еще раньше Курбе стал принимать меры, прятать свои произведения, рассовывать их по друзьям и знакомым, отправлять за границу. Он даже разрешил всяким дельцам от искусства подписываться его именем — пусть судебные исполнители соберут побольше фальшивых Курбе. «Я продам мои земли, виноградники, но они не получают моих картин», — восклицал он⁶⁴.

Курбе великолепно понимал, что происходит, и не строил никаких иллюзий. «Существуют такие несчастные натуры, которые рождаются (неизвестно почему) с чувствами добра и правды, без какого-либо интереса, кроме любви и справедливости, — писал он из Орнана Брюйасу. — Желание служить страдающему человеку, которое у меня всегда было, парализовало во мне всякую попытку устройства личного благополучия в жизни. Я ни о чем не жалею; я боюсь только закончить свои дни, как Дон-Кихот, так как ложь и эгоизм нераздельны»⁶⁵. Но этот большой, добрый, справедливый человек был не просто утопическим мечтателем (такого бы еще могла перенести реакционная Франция!), а человеком, который посмел перейти от слов к делу — выступил на стороне «обездоленных, стремившихся освободиться от эксплуатации и гнета себе подобных» (из того же письма Брюйасу). Этому ему не могли простить, и Курбе принял единственное возможное решение — бежать.

23 июля 1873 г. он простился с отцом и сестрами во Флажей, последний раз взглянул на родительский дом (он и поныне стоит на краю деревни) и в сопровождении ученика М. Ординера направился в Орнан. Рано утром 23-го он уже ехал вдоль долины Лу. Зелено-голубая река бурлила и пенилась, прорываясь сквозь камни, а вдоль нее неумолимо тянулась дорога, ведущая к швейцарской границе. Виллафан, где на узкой улочке стоит дом приятеля Ф. Годы, Мутье, примостившийся под обрывистыми утесами (сколько раз писал их Курбе!); дорога ползет все выше и выше, где-то совсем рядом таинственные истоки Лу (как Курбе любил отдыхать около этого грота, как часто он раскрывал здесь свой походный этюдник и брался за кисти!). Но вот горы остаются позади, а вдали уже виднеется дом с фермой. Это Врин. Здесь Курбе и Ординера ждет карета госпожи Жоликлер, которая должна увезти их за границу. Снова прощание, на этот раз последнее. Дорога, пересекая приток Лу Дрюжон, подходит к Понтарлье. Когда-то художника встречали здесь с триумфом и поднимали не один кокал за его успех. Теперь закрытая карета быстро проезжает по окраине... В районе Верьер она пересекает границу. Спустившийся вечер скрывает от глаз коммунара отроги французских гор.

В Швейцарии Курбе поселился в Тур де Пельц, недалеко от Вевей. Бывшие коммунары или сочувствовавшие Коммуне лица составляли его основное окружение. Здесь был Морель, изгнанный коммунары из Марселя, который под руководством Курбе начал заниматься живописью; был здесь и бывший секретарь Рауля Риго карикатурист Андре Слом (Андрей Сломчинский), запечатлевший черты Курбе на смертном одре. Курбе встречался со знаменитым географом Элизе Реклю, а также с бежавшим из Новой Каледонии Рёшфором, с Ключере. К нему тянулась местная прогрессивная интеллигенция, навещали любопытные иностранцы. Но все помыслы художника были связаны с Францией. Он с напряженным вниманием следит за всеми перипетиями политической жизни в стране. Все возрастающая реакция приводит его в отчаяние. Однако он не теряет веру

⁶³ Courbet..., t. II, p. 154.

⁶⁴ Ch. Leger. Op. cit., p. 149.

⁶⁵ Courbet..., t. II, p. 152.

в конечный прогресс. «Можно было бы сгореть со стыда оттого, что мы французы,— пишет он за несколько дней до смерти,— если бы у нас не было горячего убеждения, что последнее слово будет принадлежать все же праву и справедливости»⁶⁶.

С каждым днем Курбе писалось все труднее и труднее. В его письмах все чаще стали повторяться фразы: «Невозможно работать», «болезнь отнимает всякую энергию». Физически и нравственно художника подкашивал продолжающийся процесс по делу Вандомской колонны. И в Швейцарии он не смог ни на минуту отрешиться от него. Он без конца доказывал, мучился, волновался, надеялся. А дело разворачивалось следующим образом. В июне 1874 г. суд вынес решение, подтвержденное в августе 1875 г., об уплате художником суммы в 324 091 фр., которая должна была покрыть государственные издержки на восстановление пресловутой колонны. Между Курбе и Парижем началась бесконечная переписка, смысл которой заключался в том, чтобы уплатить требуемую сумму не сразу, а путем ежегодных взносов. Если платить каждый год по 10 тыс. фр., то понадобится 32 года. Есть от чего потерять голову. Узнав, что на выборах в Национальное собрание большинство мест получили республиканцы, Курбе, в котором вновь вслыхнула надежда, обращается с открытым письмом к депутатам⁶⁷. Он выделяет две стороны вопроса в деле Вандомской колонны: материальную и моральную. Он доказывает (в который раз!), что был непричастен к ее разрушению и, следовательно, не должен нести материальной ответственности. Что касается моральной ответственности, то он готов принять ее на себя, но наравне с тысячами других граждан. Курбе взывает к справедливости республиканской Франции.

Но буржуазная, хотя и республиканская Франция совсем не собиралась восстанавливать справедливость. В мае 1877 г. судебные инстанции подтверждают, что Курбе должен выплатить (обязательно выплатить) всю сумму, внося два раза в год по 5 тыс. фр. За опоздание начисляются проценты. Конфискованное имущество не возвращается: оно пойдет с молотка, а вырученные деньги в качестве залога останутся в руках государства. Распродажа состоялась в ноябре 1877 г. Теперь Курбе кажется, что он может вернуться на родину. В письмах он предвкушает встречи с отцом и сестрой. Но достаточно посмотреть на строчки этих писем, чтобы понять — никаких встреч не будет. Курбе почти не может писать, дрожащие буквы неумолимо скользят вниз... Он не в состоянии двигаться, с трудом поднимает руку, задыхается, его волосы и борода стали совсем белыми, а ведь ему только 58 лет, и он всегда поражал subtilных парижан своим отличным, деревенским здоровьем.

На 1 января 1878 г. суд назначил первый взнос. Курбе делает его одним днем раньше — 31 декабря 1877 г. он отдаст затравившим его реакционерам свою жизнь. В шесть часов утра художник умирает. 3 января состоялись похороны. За гробом шли отец и сестра, друзья по изгнанию, единомышленники. А. Ропффор попытался сказать несколько прощальных слов, но спазма сдавила ему горло. От имени Коммуны выступил журналист Артур Арну. Его молча выслушали бывший член Центрального Комитета Национальной гвардии Поль Пиа, участник восстания 31 октября романист Эжен Радуа, члены I Интернационала и ЦК Национальной гвардии Андре Алавуан и Ипполит-Адольф Клеманс, член Комитета общественного спасения коммунар Фердинанд-Шарль Гамбон и др.

Среди собравшихся коммунаров не было близкого друга Курбе Жюль Валлеса. Приговоренный к смертной казни, он бежал в Англию, но именно ему принадлежали самые глубокие и проникновенные слова, сказанные об ушедшем художнике. 6 января 1878 г. в газете «Ревей» появилась его

⁶⁶ Courbet..., t. II, p. 178.

⁶⁷ Lettres ouvertes aux députés et sénateurs des nouvelles Assemblées nationales. Genève, 1876.

статья, подписанная псевдонимом Жан Ла Рю. Валлес бросал в лицо буржуазному обществу, убившему художника, гневные слова обвинения. Он не отделял живописца от политика и убедительно показывал, как от восстания в искусстве Курбе пришел к восстанию в жизни. Он кончал свою статью словами: «...Не будем жалеть его! Его жизнь была в сто крат прекраснее тех, кто с юных лет и до старости пахнет воздухом министерств и плесенью официальных заказов. Он плыл по большому потоку, нырял в океан толпы и слышал, как стучит, подобно залпам пушки, сердце народа...»⁶⁸

О Курбе см. в книге:

А. Чегодаев. "Наследники мятежной вольности".

Пути художественного творчества от Великой французской революции до середины девятнадцатого столетия (М.: Искусство. 1989)

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/tchegodaev.pdf>

**Франко-прусская война, вторая империя
И ПАРИЖСКАЯ КОММУНА**

**Документы, воспоминания, исследования,
фильмы, радиопередачи**

можно скачивать

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p151294013.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p100499357.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

---

⁶⁸ Courbet..., t. I, p. 335.